

Юрий Михайлик

Покушение

В. Голубовской

Государь император Николай Павлович,
как принято было его называть,
прекрасно знал, кто его отец,
и тем паче – кто его мать.
Но уже с бабушек-дедушек
начинаются бред и мрак,
и любой, кто посмеет вспомнить об этом,
несомненно, враг.

Николай Павлович спокойно странствовал
через Пензу в Тамбов
в окружении приближенных лиц
и еще сорока лбов.
По дороге он думал: житель Пензы –
пензианец? пензюк? пензяк? –
хорошо бы спросить, но кого ни спроси –
разболтает и станет враг.

Государь император любил порядок,
распорядок и строгий строй,
не любил вспоминать двадцать пятый год,
а также двадцать шестой.
И когда офицер прибежал на развод,
а под шинелью – фрак,
это значило – он – один из них,
и безусловно – враг.

Он из тех, по коим плачет Сибирь,
Шлиссельбург, и стонет петля...
В это время раздался ужасный треск,
и кругом пошла земля.
Николай Павлович рухнул в кювет
(как потом он назвал овраг),
у немецкой коляски лопнула ось,
и это орудовал враг.

Государь император не расшибся насмерть,
но ключицу успел сломать,
и в сердцах фореитору объяснил,
что близко знал его мать.
Начальник охраны был сослан в полк –
изучать строевой шаг.
Очень сильно болели рука и плечо,
и доктор был тоже враг.

Свита, как обычно, назначала виноватых –
а кем был предложен тамбовский тракт? –
хотя в России любая дорога
сама по себе – теракт.
Николай Павлович и сам догадывался
о том, что в стране кабак,
а вся эта свора – как не вор, так дурак,
а как не дурак, так враг.

Но зато в Тамбове – порядок, покой,
никто не лез на рожон,
государь помахивал здоровой рукой,
приветствуя горожан.
Вокруг – ликование без границ,
военный оркестр, государственный флаг,
тамбовское выражение лиц –
не угадать – кто враг.

Государь император Николай Павлович
был строен, высок и хорош собой,
он был замечательный семьянин
и вполне приличный плейбой.
Он умер сам, проиграв войну,
отдав последний приказ...
А вот сын его, Александр Второй,
был убит. На седьмой раз.

* * *

Хочется верить в существование параллельных миров...
Встреча с шайкой враждебной шпаны придает тебе ускорение –
сквозанул в подъезд, а там – лабиринт проходных дворов, –
пробежал, огляделся, – а ты уже в другом измерении.

Там, в параллельном мире, все кажется так да не так –
там и говорят по-другому, и музыкой считают что-то
совершенно не то,
а это вдохновенное бормотание называется пастернак,
и строго глядит девушка в колокольном демисезонном пальто.

Так это начинается, никогда не кончаясь добром.
Через тысячу лет в фантастическом сне,
в финальной его половинке,
ты долго бежишь гулким извилистым проходным двором,
возвращаясь туда, где фиксы, финки и кепочки-восьмиклинки.

* * *

Шут с ней, с Голландией, где Тиль, откукарекав,
поверг оранжевых в унынье и печаль,
а также с Грецией, поскольку древних греков,
твердят, что не было. А нынешних не жаль.
Какие жалости на отдаленной точке,

в горах вколоченной в базальты и габбро,
какие нежности – ракеты, как заточки,
самонаводятся под пятое ребро.
Зима, безумие, и запах керосина
неотвратим, неистребим, невыносим...
Какие глупости – вся ваша Хиросима,
тут в каждой палочке по триста Хиросим.
Зима, безумие, и каждый пахарь – знахарь,
пять тысяч высоты, сто метров глубины,
и что там, наверху? Внизу на складе сахар –
и вот вам самогон на сорок лет войны.
Шальные сны, зима, стальные переходы,
контрольный вход на пульт своих не узнает,
идет игра в очко на страны и народы.
Шут с ней, с Голландией. И грекам не везет.

Индейский мотив

Эта дорога по золотой воде
из Никогда в Нигде.
Все, что река вынесла и унесла,
перечеркни легким гребком весла.
То, что скользит вдоль берега позади,
– не уплывай – твердит тебе – не уходи.
Но под водой, но в глубине реки
темное облако отращивает плавники,
в рваных разрывах всплывает лоскут голубой,
тоже бывший тобой.
На золотом, на золотом течении ни следа,
Все остальное останется в Никогда.
Ни поглядеть вперед, ни взглянуть назад –
черный провал, грохочущий водопад.
Это голос Нигде подсказывает Никому –
По одному, дружок, только по одному...

* * *

Их тяжкая работа важней других работ –
Из них ослабнет кто-то – и небо упадет.

Александр Городницкий

Небеса не упали. Земля не ушла из-под ног.
Ибо в каждой метафоре кроется тайный подвох.

Осыпается миф. Известковая крошка летит
из вагантов, галантов, атлантов и кариатид.

А в песок или в глину – уже распознать не успеv,
Но шумерский мотив затвердив наизусть, нараспев.

Он уже и не слышен под гоготом чуждых племен, –
Перемена времен, перемена имен и знамен.

Как потоп, как набег, – развеселый вселенский побег
В электронный, нейтронный, компьютерный каменный век.

Обгоревшие окна затянуты льдистой слюдой.
Мы и сами пришли не с одной, так с другою ордой...

Эта дымная подпись ползет высоко в небесах,
Это дюны шуршат в непрерывных песочных часах,

И горчайшее знание за горло берет в оборот,
Уходя вместе с нами в разряд метаморфных пород.

Ничего не успеv, и шумерский мотив затвердив наизусть,
нараспев...

Это время камней, Катапульт, стенобитных машин...

Сидней